

Н. П. Кондаков

**Памятники древней письменности и
искусства**

Часть 139

УДК 7.01
ББК 85
Н11

Н11 **Н. П. Кондаков**
Памятники древней письменности и искусства: Часть 139 / Н. П. Кондаков – М.: Книга по Требованию, 2024. – 70 с.

ISBN 978-5-518-06653-3

Современное положение русской народной иконописи.

ISBN 978-5-518-06653-3

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нописи стали покрываться мракомъ, и мало-по-малу изъ мастерства, особо покровительствуемаго и даже опекаемаго русскими царями, осталось захолустное, кустарное производство. Въ прошломъ вѣкѣ даже полагали, что сюздальская иконопись находится въ услуженіи раскола старообрядства, хотя оно только поддерживало своими заказами «иодстаринный» родъ иконописи, а также рядъ иконографическихъ сюжетовъ.

Не посчастливилось иконописному мастерству даже и въ скромномъ положеніи кустарнаго мастерства, хотя это производство и съ милліоннымъ оборотомъ, когда начались недавнія мѣропріятія по вопросу о кустарныхъ промыслахъ: иконописное производство было при этомъ, кажется, забыто. Главная причина этого забвенія, случайнаго или намѣреннаго, была та же неизвѣстность дѣла, вызывающая особый видъ бюрократической враждебности ко всему неопредѣлившемуся, полному трудностей, а между тѣмъ не просящему назойливо себѣ помощи. Будемъ надѣяться, что когда поднимется, наконецъ, дѣло насажденія въ Россіи художественно - промышленныхъ школъ, вспомнятъ, что въ Россіи существуетъ безъ всякаго насажденія высшій и обширный видъ художественнаго промысла, который тоже нуждается въ помощи новыхъ русскихъ художественныхъ силъ. Иконописное мастерство, укрывшееся въ своемъ глухомъ углу, остается почти лишеннымъ главнаго преимущества другихъ видовъ художества, что они появляются на спеціальныхъ выставкахъ. Произведенія этого мастерства расходятся по рукамъ и остаются навсегда разбросанными повсюду, и гдѣтъ ихъ образцы можно только на особыхъ выставкахъ или въ иконныхъ лавкахъ при ихъ поступленіи въ продажу.

Всѣ эти соображенія побуждали отправиться въ самыя села, чтобы осмотрѣть производство на мѣстѣ. Такъ поступили нѣкогда: академикъ В. П. Безобразовъ, заинтересованный иконописнымъ промысломъ и книжною торговлею офеней, академикъ Л. Н. Майковъ, посѣтившій литографію И. А. Голышева въ Мстерѣ. Г. Д. Филимоновъ, изучавшій производство Мстеры и Палеха, нѣсколько художниковъ, поэтъ Некрасовъ и др. В. Т. Георгіевскій объѣхалъ всѣ три села и далъ наиболѣе живой очеркъ самага мастерства, прикладныхъ производствъ и условій промысловыхъ и техническихъ, въ какихъ работаетъ суздальскій иконописецъ. Извѣстный Пругавинъ занялся промысломъ посредниковъ-офеней. Въ наше кратковременное посѣщеніе мы не могли ни дополнить наши свѣдѣнія о видахъ мастерства, такъ какъ должны были обзрѣвать слишкомъ бѣгло то, что намъ показывали, не допытываясь, почему въ иной мастерской было много работъ, а въ другой, быть можетъ, вся черная работа была спрятана. Не могли мы собирать на мѣстѣ и статистическихъ свѣдѣній: для этого наше кратковременное посѣщеніе было особенно не благопріятно, прежде всего, по исконному недоувѣрію иконописцевъ и особенно подрядчиковъ къ собирацію подобныхъ свѣдѣній. Не успѣли мы выполнить и собственной задачи ознакомленія съ разными стилями или пошибами, нынѣ господствующими въ суздальской иконописи. Для такой задачи потребно было бы организовать настоящую иконописную выставку—дѣло особой важности и большихъ средствъ, между тѣмъ, намъ приходилось совершить поѣздку наскоро и въ условіяхъ наиболѣе неблагопріятныхъ: мы были побуждены къ ней всюду расходившимися темными слухами о критическомъ, бѣдственномъ положеніи суздальскаго ико-

нописація, наставшемъ въ самое послѣднее время и грозящемъ всему дѣлу гибелью, а селамъ съ ихъ многотысячнымъ населеніемъ — рядомъ голодныхъ годовъ и концомъ ихъ стараго мастерства. Пока дѣло иконописація влачилось въ своемъ убогомъ нарядѣ, удѣленномъ ему изъ скуднаго заработка русскаго крестьянина, оплачивающаго «расхожвю икону» грошами или кусками самодѣльнаго полотна, оно все-таки жило среди насъ, продолжало существовать, можно было выждать времени для поѣздки. Но когда пришлось «подумать и промыслить о головѣ» русскаго рслигіознаго искусства, о томъ, какъ бы ее ненарокомъ не сняли, приходилось по неволѣ торопиться.

Поѣздку по иконописнымъ селамъ Владимірской губерніи намъ удалось совершить съ г. предсѣдателемъ Императорскаго Общества Древней Письменности, графомъ С. Д. Шереметевымъ, въ сообществѣ лица, близко знающаго дѣло, упомянутаго нами В. Т. Георгіевскаго. Несмотря на время — июнь мѣсяць 1900 года, погода оказалась крайне неблагопріятною: проливные, не перестающіе дожди принудили сократить и безъ того небольшой запасъ дней, имѣвщійся въ нашемъ распоряженіи. Но когда поѣздка была окончена, стало ясно, что условія ея въ современномъ состояніи лорогъ и иныхъ средствъ сообщенія, таковы что рѣшительно не допускаютъ мысли о близкой перемѣнѣ въ нихъ: ибо нельзя же предвидѣть, что именно теперь найдутъ нужнымъ проложить пути, когда это проложеше едва успѣло закончиться. Если же немислимо, безъ дѣйствія особыхъ причинъ, ожидать частныхъ поѣздокъ по иконописнымъ селамъ съ такою же задачею, какъ наша, то естественно приходитъ мысль объ обязательности сообщить другимъ полученныя понятія, какъ бы ни были они смутны,

а добытыя данныя ни были шатки. Хотя мы и приложили все стараше получить, для своего наставлешя, нѣкоторыя статистическія свѣдѣшя, но понятно, какъ проблематичны подобныя данныя въ этомъ дѣлѣ и какъ трудно было бы даже и близко стоящему къ дѣлу человѣку, не только пріѣзжему издалека, узнать точныя цифры.

За отсутствіемъ на станціи «Мстера» какихъ бы то ни было экипажей, а ѣхать отъ станціи до села надо около 15 верстъ, мы должны были проѣхать по желѣзной дорогѣ до станціи Вязниковъ и оттуда до города и затѣмъ продолжать путь на Мстеру. Здѣсь дорога была прекрасная, почти всюду открытая, съ чудными видами на живописно раскинутый городъ и красивое его окаймлеше изъ холмовъ, только слегка, для виду, прикрытыхъ лѣсомъ. Несмотря на моросившій все время дождь, мы могли ѣхать быстро, любуясь то живописными логами и горками, то открывавшимся по временамъ безконечными далями. Что эти красоты мѣстныхъ видовъ увлекали и нашихъ первыхъ насельниковъ края, тому свидѣтель Владиміръ, выбранный за свое сходство съ Кіевомъ. Село Мстера раскинулось на холмахъ, при двухъ рѣкахъ и производило скорѣе видъ городка, чѣмъ деревни. Почти сплошь каменные дома въ два этажа, съ обширными службами, тесовыми рѣзными воротами на улицу, садами и огородами позади. Всюду обиліе, вездѣ хозяйственное движеніе. Вывозили навозъ, ни одной свободной лошади, ни одной гулящей телѣги во всемъ селѣ. Улицы широки и тянутся съ добрую версту, но, по нашимъ ионятіямъ, совершенно недоступны: онѣ погружены въ столь глубокую вѣковую грязь, что прохожіе лѣпятся подъ заборами и тынами, а ѣдущіе двигаются вдоль улицы, какъ бы на показъ, съ

монотонною медленностью похороннаго поѣзда. Какъ будто весь навозъ села цѣлые вѣка вывозили на дорогу. Тотъ же глубоко удручающій видъ потоковъ грязи съ своими зажорами, заводами и омутами, гатями и плотинами представляли собою улицы Хóлуя и Палеха. Въ Хóлуѣ мѣсто низко, поверхъ грязи тянулись безконечными лентами пруды и лужи, прохожихъ уже вовсе не было и не могло быть. Въ Палехѣ среди пути пришлось вылѣзти изъ экипажа и пробираться задворками, чтобы попасть въ церковь. До того все это не вязалось съ промышленною дѣятельностью села, что, очевидно, досаждало не менѣе и самимъ сельчанамъ, но все побѣждающая привычка заставляла ихъ съ года на годъ откладывать настояннй мѣропрятія и довольствоваться или гатями изъ ирутьевъ и мусора. или разными мостками, или философски выжидать погоды. Но что представляла по этой погодѣ дорога изъ Хóлуя въ Палехъ и изъ Палеха въ Шую,—о томъ можно было бы достойно повѣствовать, лишь собравъ лучише перлы русской литературы но отдѣлу плачей и причитаній о русскомъ бездорожьи и размѣстивъ ихъ въ восходящемъ порядкѣ по степени паѳоса. Уже отъ Мстеры мѣста пошли сплошь низкія, а чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе напоминали болота, а далѣе болота поросли непролазными чащами, мѣстами на много версть шли лѣса. Песчаныя мѣста, выступавшія на иодобіе отмелей, смѣнялись глубокими «грязивыми мѣстами», но которымъ, какъ во времена «Слова о полку Игоревѣ», были мостки и дамбы намощены изъ камня, и гати наскоро навалены: все дѣло носило характеръ мѣръ временныхъ, принятыхъ въ отчаянномъ положеніи наскоро, и, между тѣмъ, все это дѣлалось изъ году въ годъ... и это съ XII вѣка...

Первобытное состояше сельскихъ улийъ и дорогъ

рѣзко разногласить съ живою промысловою жизнью всѣхъ трехъ селъ, съ благосостояніемъ домовъ и общею домовитостью хозяевъ. Мстера, послѣ недавняго пожара, и Палехъ издавна могутъ, даже передъ городами, кромѣ развѣ Шуи, похвастать своими каменными домами, обширными мастерскими, складами и усадьбами; побѣднѣе смотритъ Холуй, какъ пониже и самое его мастерство. Внутренность домовъ слажена по купечески, во всѣхъ комнатахъ много иконъ и старинныхъ. и хорошаго письма. У многихъ «старинщиковъ» мы видѣли и свои собственныя иконныя собранія, цѣльныя иконостасы, царскія двери и пр. Но вообще художественная среда, окружающая мастеровъ, крайне скудная, и только въ церкви могутъ они видѣть образцы своего искусства повыше достоинствомъ. Богоявленская церковь въ Мстерѣ каменная, о пяти главахъ, низка и темна, построена въ 1688 году. Въ церкви самое замѣчательное—множество старинныхъ иконъ, хотя, повидимому, не особенно древнихъ и не разнообразныхъ писемъ: лучшихъ нисемъ икона Казанской Богоматери противъ праваго клироса. Въ церкви четырнадцать каменныхъ надгробій князей Ромодановскихъ, которымъ Богоявленская слободка—погостъ на рѣкѣ Мстерѣ приналежала уже въ 1628 г., какъ старинная родовая вотчина, вновь укрѣплена или отказана по указу Петра въ 1713 году. Одинъ изъ надгробныхъ покрововъ, имѣющійся въ церкви, украшенъ десятками драгоцѣнныхъ серебрянныхъ дробницъ съ рѣзными погрудными и полными изображеніями, конца XVI или самага начала XVII вѣка. Церковь въ Холуѣ имѣетъ мало древностей, но можетъ гордиться передъ многими прекраснымъ иконостасомъ, работы художника Н. Н. Харламова. Палеховцы поставлены и въ этомъ отношеніи въ сравнительно высшія и лучшія

Условія, такъ какъ имѣли настолькоъ въ свое время сметки, что запаслись своими лучшими работами въ наиболѣе счастливое время. Вся церковь Палеха увѣшана иконами на стѣнахъ и на столбахъ, и все это произведенія XVII и XVIII столѣтій, эпохи процвѣтанія Палеха. Въ иконостасѣ здѣсь показываютъ Деисусъ, будто бы происходящій изъ Великаго Устюга и относящійся къ XVI вѣку, о чемъ судить не можемъ, за многими причинами, между прочимъ, за высотой. Но и мѣстныя иконы превосходныхъ писемъ и убѣждаютъ насъ, что извѣстные царскіе мастера не многимъ превосходили палеховскихъ иконописцевъ. Особенно выдаются иконы: «Акаѳистъ Іисусу» и Нерукотворенный Образъ, также икона Богоматери съ акаѳистомъ, на столбахъ двѣ иконы столпниковъ и многія другія, которыхъ мы не могли упомнить, и бесполезно было бы называть, безъ сопровождающихъ рисунковъ, которыхъ онѣ вполне заслуживаютъ. Мы обратили вниманіе на нѣсколько иконъ 1760 годовъ и ближайшихъ временъ, а можетъ быть, и позднѣйшихъ, но не датированныхъ, семьи Балакиныхъ и Буториныхъ, частью, кажется, подъ строгановское письмо. На одной иконѣ Балакинъ писалъ доличное, а Буторинъ лики. Ивану Ильичу Балакину принадлежитъ икона «Житіе Николая Ч.» и образъ святителя. Вообще палеховская главная церковь есть своего рода мѣстный музей и притомъ изъ самыхъ разумныхъ, натуральный, цѣльный и неутомительный. Мало художественныхъ образцовъ даютъ и находящіяся въ Мстерѣ и Холуѣ иконописныя школы: первая, содержимая Владимірскимъ Александро-Невскимъ братствомъ и руководимая учителемъ М. И. Цѣпковымъ, существуетъ буквально на грошова средства, отпускаемая братствомъ, и вторая — въ Холуѣ, руководимая извѣст-

нымъ художникомъ и авторомъ прекрасныхъ произведеній иконописи Н. Н. Харламовымъ, имъ поддерживаемая и на личныя средства, съ рѣдкимъ самопожертвованіемъ. и лишь въ послѣднее время съ небольшою помощью отъ земства. Гдѣ тутъ было думать о снабженіи николь образцами, когда не удовлетворены самыя первыя нужды? Наконецъ, самое важное подспорье въ работѣ владимірскихъ иконописцевъ и, пожалуй ихъ основной источникъ составляютъ «подлинники», какъ толковые, такъ и лицевые и такъ наз. «образцы», или по современному московскому выраженію — «оригиналы», т.-е. листы старыхъ прописей и рисунковъ, сохраняемые каждымъ иконникомъ, по возможности, цѣликомъ, какъ они достались ему отъ его отца или лѣда, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда подобныя собранія разрослись безъ надобности для самой работы, а соблазнъ продажи слишкомъ великъ. Много подобныхъ собраній было въ свое время вывезено пок. Г. Д. Филимоновымъ именно изъ Палаха и вошло въ составъ его единственнаго по величинѣ и рѣдкости собранія иконописныхъ оригиналовъ, насчитывающаго до пяти тысячъ листовъ. Можно считать рѣдкою удачею и то обстоятельство, что подобное собраніе попало послѣ смерти знаменитаго собирателя и знатока въ музей Общества древней письменности и сохранится для потомства. Иные листы помѣчены именами иконописцевъ: палеховскаго Слезкина, Михаила Захаровича Бронина и др.

Но самаго краткаго иребыванія въ иконописныхъ селахъ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ основномъ фактѣ, что все искусство владимірскихъ иконописцевъ заключается доселѣ въ неизмѣнномъ принятомъ преданіи и въ живомъ его руководствѣ. Явленіе это, во всей своей простой натурѣ, стало уже чуждымъ

просвѣщенному обществу, такъ какъ у него основаніемъ служить европейское искусство и свое, свѣже выработанное, и намъ трудно понять сохраненіе иреданія отъ одного поколѣнія къ другому, подъ условіемъ преемственнаго перехода мастерства отъ отца къ сыну и отъ хозяина къ его мастерамъ и ученикамъ.

Какъ давно утвердилось въ селахъ иконописаніе, точно неизвѣстно, и врядъ ли когда-либо будетъ съ хронологическою точностью дознано, но едва ли въ этомъ обстоитъ и нужда. Въ началѣ XVII вѣка извѣстно иконописаніе въ слободѣ Холуѣ, вотчинѣ Троице-Сергіевой лавры; ко временамъ Алексѣя Михайловича относятся свѣдѣнія о налеховскихъ мастерахъ, вѣроятно, къ тому же времени относится начало иконописи въ Мстерѣ. Но какъ давно вообще утвердилось въ селахъ мастерство, можно судить по тому обстоятельству, что здѣсь уже имѣется извѣстная исторія въ ходѣ развитія иконописи, наблюдаемая, наприм., въ измѣненіи размѣровъ иконъ. А именно, иконы здѣсь носятъ уже названія, не отвѣчающія дѣйствительной величинѣ ихъ, а бывшей нѣкогда, и по нашимъ теперешнимъ свѣдѣніямъ, не позже, какъ въ концѣ XVI вѣка. Иконы здѣсь называются «полномѣрными», при вышинѣ въ 11 вершковъ (ранѣе 12 вер.), «маломѣрными» при 8—9 вер. (ранѣе 11 вер.), «десятериками» при 7 вер. (вмѣсто 10 вер.), «девятериками» при 6 вер., «осьмериками» при 5—6, и «листоушками» при 1, 2, и 3 вер. вышины. Между тѣмъ, иконы современныхъ размѣровъ мы находимъ уже обычными во вторую половину XVII вѣка. Любопытно, что въ Палехѣ доселѣ болѣе въ обращеніи крупныя размѣры иконъ, тогда какъ въ Мстерѣ господствуютъ размѣры, установленныя спросомъ и московскими торговцами, точно также въ Палехѣ наиболѣе удержался и «под-

старинный» видъ письма. Хóлуй производитъ преимущественно дешевые и даже грубые виды иконописи, а Мстера работаетъ во всѣхъ родахъ и манерахъ.

Однако, три села рознятся между собою по своимъ колерамъ, приемамъ рисунка, украшеній и пр. настолько, что мастеру достаточно видѣть икону, чтобы безошибочно различить мѣсто ея производства, хотя бы иная мастерская и пожелала подражать манерѣ другого села. Конечно, эти признаки для посторонняго взгляда совершенно неуловимы, да и не заслуживаютъ того, чтобы ихъ изученію посвятить столько времени, сколько бы они потребовали. Иконы въ манерѣ старыхъ писемъ во всѣхъ мастерскихъ сближаются потому, что иконописцы перенимаютъ манеры одинъ у другого и впадаютъ въ извѣстные шаблоны съ особымъ рачешіемъ. Такъ, весьма въ обиходѣ «московское вохрянное» письмо: охра служитъ въ нихъ основащіемъ всего колорита, и въ тѣлѣ, которое переходитъ въ красную охру, и въ окладѣ, и поляхъ, и въ цвѣтѣ волосъ, даже въ оживкахъ, преобладаніи коричневыхъ и темно-зеленыхъ одеждъ и т. д. Таковы любимые старообрядцами иконы Спаса. Въ характерѣ строгановскихъ вторыхъ писемъ (конечно, съ сильными перемѣнами противъ оригинальныхъ писемъ) пишутъ многія чудотворныя иконы Богоматери: чудный теплый свѣтло-коричневый или блѣдно-оливковый колоритъ тѣла отвѣчаетъ столь же высоко-гармоничному коричневому цвѣту одеждъ Матери и свѣтло-хромовому хитону Младенца съ нѣжными и тонкими чертами и коймами изъ «творенаго» золота. Тѣмъ же творенымъ золотомъ покрытъ окладъ (т.-е. рама иконы), и томный матовый отблескъ этого слоя кажется особенно пріятнымъ послѣ кричащихъ золотыхъ фоновъ и окладовъ, на иодобіе золоченой жести, въ мстер-